
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

ЭФФЕКТИВНОСТЬ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ПРАВА

Современный этап государственно-правового развития России характеризуется разработкой стратегических направлений уголовно-правовой охраны личности, интересов общества и государства. В условиях оптимизации государственной политики по противодействию национальной и транснациональной преступности одной из приоритетных задач становится совершенствование нормативного правового регулирования, в частности норм уголовного законодательства. Значительную роль в повышении эффективности законодательного регулирования имеют научно обоснованные доктринальные и практические рекомендации представителей различных юридических школ криминального профиля. В этой связи 30 октября 2013 г. кафедрой уголовного права и криминологии Байкальского государственного университета экономики и права был проведен мастер-класс по теме «Эффективность уголовного закона в контексте глобализации права», в котором наряду с учеными активное участие приняли представители органов следствия, прокуратуры и суда.

В ходе работы активному всестороннему обсуждению со стороны представителей научных и практических кругов подлежали различные проблемы уголовно-правового регулирования в РФ, в том числе вопросы правильной юридической оценки противоправных посягательств на охраняемые государством интересы.

Среди выступлений особого внимания заслуживает доклад члена Высшей квалификационной коллегии судей, заведующего кафедрой уголовного права Сибирского федерального университета, доктора юридических наук,

профессора, заслуженного юриста Российской Федерации А.Н. Тарбагаева.

В своем выступлении профессор А.Н. Тарбагаев остановился на вопросах противодействия коррупции, ставших предметом обсуждения на Пятой сессии международного форума по проблемам преступности и уголовного права в эпоху глобализации, который состоялся в Пекине 25–29 октября 2013 г. В частности, А.Н. Тарбагаев отметил, что в Российской Федерации реализован большой комплекс мероприятий, направленных на борьбу с коррупцией и ее предупреждение, вытекающих из обязательств, которые взяла на себя Россия после ратификации Конвенции ООН против коррупции от 31 октября 2003 г., Конвенции Организации экономического сотрудничества и развития по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок от 21 ноября 1997 г., а также Европейской конвенции от 27 января 1999 г. об уголовной ответственности за коррупцию. Однако некоторые требования этих документов, касающиеся, в частности, криминализации обещания и предложения дачи взятки (подкупа), не могут быть реализованы в рамках действующего российского уголовного законодательства. Так, обещание дать взятку (подкуп) является одним из вариантов обнаружения умысла, что не образует основания для уголовной ответственности такого лица. Предложение же взятки (подкупа) полностью охватывается понятием «покушение на преступление» и влечет уголовную ответственность в рамках действующего законо-

дательства без необходимости вносить в него изменения или дополнения.

Одной из актуальных проблем применения указанных конвенций для Российской Федерации является правильное понимание вновь введенного в диспозиции ст. 290 и 291 УК РФ термина «иностранное должностное лицо», который при внешнем сходстве имеет существенные содержательные отличия от термина «должностное лицо», под которым традиционно понимается субъект коррупционных преступлений. К сожалению, разъяснения, содержащиеся в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», не позволяют дать исчерпывающую характеристику необходимых признаков нового субъекта должностного преступления, появившегося в УК РФ, – иностранного должностного лица.

Это, на наш взгляд, следует считать недостатком уголовного законодательства, поскольку появляется ненужная, можно сказать, избыточная многозначность устоявшихся терминов. Такая ситуация содержит в себе потенциальную угрозу для правильного и единообразного применения ст. 290–291.1 УК РФ, потому что при отсутствии соответствующего однозначного и исчерпывающего толкования новой терминологии следственные и судебные органы будут постоянно теряться в догадках, может ли субъект, не являющийся должностным лицом по УК РФ (Примечание 1 к ст. 285 УК РФ), одновременно быть иностранным должностным лицом (Примечание к ст. 290 УК РФ) и нести ответственность за получение взятки. Такие головоломки не идут на пользу практическому правоприменению, особенно в сфере уголовно-правового регулирования.

Спорные вопросы квалификации преступлений против жизни были раскрыты в выступлении заведующего кафедрой уголовного права и криминологии Байкальского государственного университета экономики и права, доктора юридических наук, профессора В.А. Авдеева.

Профессором В.А. Авдеевым было отмечено, что законодательная регламентация

убийства, предусмотренного ст. 105 УК РФ, инспирирует ряд проблем юридической оценки случаев умышленного причинения смерти другому человеку. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (статья 105 УК РФ)» (в редакции от 3 декабря 2009 г.) оставляет открытыми ряд принципиальных вопросов, имеющих прикладное значение для правильной квалификации преступлений. Нерешенными являются проблемы квалификации неоконченных убийств, отграничения убийства от иных составов преступлений, установления квалифицированных видов убийства, совокупности преступлений и т.п.

Рассматривая проблемы правильной квалификации оконченного и неоконченного убийства, следует обратить внимание на спорный аспект, связанный с возможностью одновременного учета трех стадий совершения преступления – приготовления, покушения и оконченного преступления – в действиях одного лица. Так, например, лицо желает совершить убийство по найму в аэропорту. С этой целью на протяжении трех дней оно ожидает прилета предполагаемой жертвы, на четвертый день осуществляет посягательство на жизнь, причем в соучастии и с использованием автоматического оружия. Потерпевшему удастся скрыться, однако находившийся с ним в автомашине другой человек погибает. Следует заметить, что суд первой инстанции квалифицировал данные действия, руководствуясь ч. 1 ст. 30, ч. 3 ст. 30 УК РФ и соответствующими квалифицирующими признаками оконченного убийства – пп. «а», «е», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Однако данное решение было отменено. Президиум Верховного Суда РФ исключил ч. 1 ст. 30 УК РФ – приготовление к совершению убийства при обстоятельствах, указанных в пп. «а, ж, з» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Данное решение обосновывается тем, что действия виновного в отношении одного и того же потерпевшего, направленные на достижение единого преступного результата, совершены в короткий промежуток времени и объединены одними и теми же целями и мотивами. Таким образом, данные преступные действия не предусматривают квалификацию по ч. 1 ст. 30 УК РФ, поскольку полностью охватываются ч. 3 ст. 30 УК РФ.

Анализ правоприменительной деятельности позволяет выявить проблемы, связанные с квалификацией покушения на убийство при отсутствии реального выполнения виновными

объективной стороны преступления, направленной на умышленное причинение смерти другому человеку. Между тем представляется очевидным, что отсутствие действий, подтверждающих наличие посягательства на жизнь потерпевшего, может оцениваться как приготовление к совершению особо тяжкого преступления. Изменение стадии неоконченного преступления предопределяется умышленным созданием условий для совершения преступления, которое не было доведено до конца по независящим от указанных лиц обстоятельствам. Вследствие этого Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ обоснованно отменяет приговор суда первой инстанции. Соответственно, переквалификации подлежат противоправные действия субъектов с покушения на приготовление к совершению убийства группой лиц по предварительному сговору.

Определенные сложности на правоприменительном уровне вызывают вопросы юридической оценки основного состава убийства. Квалификация убийства осуществляется по ч. 1 ст. 105 УК РФ при условии отсутствия в деянии лица отягчающих или смягчающих обстоятельств, отраженных в ч. 2 ст. 105, ст. 106–108 УК РФ. В судебной практике возникают вопросы по поводу возможности квалификации убийства и умышленного причинения тяжкого вреда здоровью по совокупности ч. 1 ст. 105 и ч. 1 ст. 111 УК РФ. Вместе с тем такое решение признано необоснованным Президиумом Верховного Суда РФ в силу единого умысла виновного и по фактически наступившим более тяжким последствиям. Кроме того, следует иметь в виду, что особые затруднения вызывают случаи отграничения убийства без смягчающих и отягчающих обстоятельств от умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть человека. Во внимание в данном случае целесообразно принимать используемые орудия или средства совершения преступления, локализацию и множественность ранений, поведение виновного до, в момент и после совершения преступления. Направленность умысла на поражение жизненно важных органов, использование оружия или предметов, используемых в качестве оружия, нанесение ранений, не совместимых с продолжением жизни, убежденность виновного в наступлении смерти потерпевшего подтверждают посягательство на жизнь человека. Вместе с тем единичный нанесенный

сильный удар кулаком в лобную часть головы, обусловивший наступление смерти, не может квалифицироваться как убийство. В этой связи, учитывая направленность умысла виновного, Президиум Верховного Суда РФ пере-квалифицировал действия виновного с ч. 1 ст. 105 УК РФ на ч. 4 ст. 111 УК РФ.

Некоторые вопросы в судебной практике связываются с правильным установлением квалифицированных видов убийства. Одной из проблем признается целесообразность выделения самостоятельного состава преступления при покушении на убийство двух и более лиц. Суд первой инстанции квалифицирует данные действия как самостоятельные преступления по совокупности. Однако Судебная коллегия Верховного Суда РФ признала данную квалификацию неправильной, так как покушение на убийство двух или более лиц, совершенное одновременно или в разное время, не образует совокупности преступлений. В этой связи из приговора было исключено самостоятельное преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 30, п. «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Содеянное было квалифицировано по ч. 3 ст. 30, пп. «а», «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Проблематичной является квалификация преступлений, сопряженная с умышленным причинением смерти нескольким лицам в разное время. Следствием этого становится вопрос относительно вероятности выделения самостоятельных преступлений в случаях осуществления таких посягательств на жизнь, завершившихся наступлением биологической смерти потерпевших. Так, например, совершение виновным убийства четырех лиц квалифицировано судом как два самостоятельных преступления, предусмотренных п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, с учетом того, что двое потерпевших были лишены жизни 8 января, а двое других – 14 января. Однако следует признать, что осуществление указанных преступлений охватывается п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ и не требует дополнительной правовой оценки. Руководствуясь положениями уголовного закона, регламентирующего определение понятия совокупности преступлений, постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г., Президиум Верховного Суда РФ исключил повторную квалификацию по данному пункту статьи Особенной части Уголовного кодекса как излишнюю.

Определенные трудности в судебной практике возникают в связи с установлением наличия или отсутствия отдельных квалифицирую-

щих признаков убийства. В качестве примера можно привести уголовное дело, когда нанесение ударов ножом двум потерпевшим, повлекших причинение тяжкого вреда здоровью, затем убийство выстрелом из ружья одного из них повлекло осуждение виновного по п. «в» ч. 2 ст. 105, п. «б» ч. 3 ст. 111 УК РФ. Президиум Верховного Суда РФ признал данную правовую оценку ошибочной, указав на отсутствие необходимости в самостоятельной юридической оценке причинения тяжкого вреда здоровью, завершившегося убийством потерпевшей. Исключению подлежало беспомощное состояние потерпевшей, так как виновный в процессе совершения преступления сам привел ее в такое состояние. В результате действия осужденного были переквалифицированы на ч. 1 ст. 105, ч. 1 ст. 111 УК РФ.

Особого внимания заслуживает правильное установление такого квалифицирующего признака убийства, как совершенного с особой жестокостью. Проблема состоит в том, что особая жестокость должна устанавливаться не только применительно к жертве, но и к иным близким потерпевшему лицам, что не всегда находит отражение в приговорах судов. В данном случае следует учитывать особые мучения и страдания, испытываемые родителями, детьми и другими лицами, заинтересованными в сохранении жизни близкого для них человека. В частности, особая жестокость убийства подтверждается его совершением в присутствии малолетних детей потерпевшей, которые осознавали характер совершаемых действий, пытались остановить отца, посягавшего на жизнь их матери, были сильно испуганы, плакали. Установление указанногоотягчающего обстоятельства положено в основу квалификации убийства в соответствии с п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Исходя из сложившейся судебной практики, можно сделать вывод, что правовые коллизии возникают при квалификации убийства, совершенного общеопасным способом. Встает закономерный вопрос относительно правовой оценки посягательства на жизнь способом, опасным для жизни хотя бы одного постороннего лица. Убийство потерпевшего в общественном месте путем выстрелов из пистолета, сопровождавшееся причинением вреда здоровью средней тяжести двум посторонним лицам, предполагает квалификацию содеянного по п. «е» ч. 2 ст. 105, п. «а» ч. 2 ст. 112, ч. 1 ст. 222 УК РФ.

Следующая проблема связана с квалификацией убийства, совершенного в соучастии. Анализ правоприменительной деятельности показывает, что вопросы преимущественно сопряжены с неточной юридической оценкой преступления как совершенного группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, несмотря на отсутствие основания для подобной квалификации. Так, совершение покушения на убийство потерпевшего путем выстрела из пистолета с глушителем исключает наличие соисполнительской деятельности других соучастников, несмотря на заведомое знание о наличии оружия, готового к применению. Вследствие этого Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила приговор, обоснованно исключив п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ из квалификации действий лица, исполнявшего покушение на убийство.

Подлежали отмене вышестоящей судебной инстанцией и иные приговоры, согласно которым преступления признавались совершенными группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой вопреки положениям уголовного закона и п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (статья 105 УК РФ)» (в редакции от 3 декабря 2009 г.). Так, совместные противоправные действия организатора и исполнителя убийства по найму дополнительно признаны судом преступлением, совершенным группой лиц по предварительному сговору. Вместе с тем отсутствие организатора на месте совершения убийства, непринятие непосредственного участия в лишении жизни потерпевшего исключает его соисполнительскую деятельность и влечет отмену осуждения исполнителя по п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Предоставление исполнителю оружия для совершения убийства ошибочно квалифицировано судом первой инстанции по ч. 5 ст. 33, пп. «ж», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Пособничество в совершении убийства не может быть квалифицировано как убийство, совершенное группой лиц по предварительному сговору, поскольку непосредственным исполнителем преступления являлось одно лицо. В этой связи Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ исключила из приговора осуждение действий пособника по ч. 5 ст. 33, п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Актуальными в современный период являются вопросы и другого плана, указывающие

на необоснованную квалификацию убийства, например, по ч. 5 ст. 33 и ч. 1 ст. 105 УК РФ, несмотря на наличие основания для иной юридической оценки реализованного деяния и наступивших преступных последствий. Сложно признать лицо, принимавшее непосредственное участие в процессе лишения жизни потерпевшего путем применения физического насилия наряду с исполнителем в качестве пособника совершения убийства. Удержание жертвы в момент нанесения исполнителем не менее пяти ножевых ранений в грудь и живот обуславливает целесообразность переквалификации действий соучастников на п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ вследствие выполнения каждым из соучастников объективной стороны преступления, направленной на умышленное причинение смерти потерпевшему.

В настоящее время спорные моменты имеют место при квалификации действий соучастников убийства, сопровождавшегося совершением иных преступлений. Так, принятие предложения о совершении убийства за вознаграждение, последующее его исполнение путем нанесения потерпевшей множественных ударов предметом, используемым в качестве оружия, завершившееся завладением ее имущества, обусловили ошибочную квалификацию деяний исполнителя по пп. «д», «з» ч. 2 ст. 105, ч. 2 ст. 162 УК РФ. Действия другого соучастника признаны организацией убийства, совершенного по найму. Просчеты были допущены судом первой инстанции при установлении вида соучастника убийства и формы хищения чужого имущества. В приговоре не приняты во внимание положения ч. 3, 4 ст. 33 УК РФ, позволяющие признать одного из соучастников, склонившего исполнителя к совершению преступления, не организатором, а подстрекателем к убийству. Другая проблема квалификации сопряжена с возникновением умысла на хищение после совершения убийства потерпевшей. Соответственно, исключается нападение в целях хищения чужого имущества, совершенного с применением насилия, опасного для жизни или здоровья. Более последовательной является квалификация содеянного как тайного хищения чужого имущества с принятием во внимание скрытого характера и соответствующего субъективного его восприятия виновным лицом. Указанные обстоятельства послужили основанием для переквалификации Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РФ дей-

ствий каждого из соучастников данных преступлений.

Трудности квалификации преступлений по совокупности связываются с проблемами установления хронологии событий, оказывающих влияние на вынесение судебных приговоров. Детальный анализ мотивации преступного поведения виновного, наличие или отсутствие определенной цели, характер осуществленного посягательства на жизнь другого человека позволяют установить просчеты в процессе квалификации преступлений. В этой связи определенного внимания заслуживает правовая оценка убийства в ссоре, завершившегося хищением принадлежащего потерпевшей имущества. Такой подход создает предпосылки для переквалификации Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РФ действий виновного с п. «з» ч. 2 ст. 105, ч. 2 ст. 162 УК РФ на ч. 1 ст. 105, ч. 1 ст. 158 УК РФ.

Пристального внимания на правоприменительном уровне заслуживают и иные вопросы, возникающие в связи с установлением совокупности квалифицированных видов убийства. Многоэпизодная противоправная деятельность предполагает последовательное установление квалифицирующих признаков убийства. Так, например, принятие предложения о совершении убийства с целью сокрытия ранее совершенного разбоя указывает на наличие специальной цели, преследуемой виновными в процессе умышленного причинения смерти другому человеку. Совместное применение к потерпевшему насилия, перемещение и сокрытие трупа, стремление уехать с места совершения преступления позволяют квалифицировать содеянное соисполнителями в убийстве, руководствуясь пп. «ж», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Проблематичной представляется квалификация перечня убийств, реализованных при наличии и отсутствии отягчающих обстоятельств, предусмотренных диспозициями соответствующих уголовно-правовых норм. Так, убийство, совершенное путем нанесения множественных ножевых ранений, в том числе в жизненно важные органы, вследствие возникшей конфликтной ситуации и последующее убийство очевидца указанного преступления, казалось бы, не вызывают особых затруднений на практике. Между тем продолжение противоправной деятельности виновного обуславливает новое совершение убийства во время ссоры с другой потерпевшей. Возникшая

сложность при квалификации предопределила установление правовой оценки содеянного по ч. 1 ст. 105, п. «к» ч. 2 ст. 105, ч. 1 ст. 105 УК РФ. Однако следует заметить, что данное решение противоречит п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (статья 105 УК РФ)» (в редакции от 3 декабря 2009 г.). Вследствие этого Президиумом Верховного Суда РФ восстановлена квалификация суда первой инстанции по п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Резюмируя вышеизложенное, следует заключить, что повышение эффективности механизма уголовно-правового регулирования охраны жизни в Российской Федерации предполагает приведение в соответствие норм национального уголовного законодательства, регламентирующего преступления против жизни, положениям международных нормативно-правовых актов. Совершенствование норм УК РФ требует модернизации процесса правильной квалификации убийств, включая стадии оконченного и неоконченного преступления, при наличии или отсутствии квалифицирующих признаков с учетом предложенных в рамках постановлений Президиума Верховного Суда РФ и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ.

Проблемы эффективности уголовного закона на примере ст. 204 УК РФ были раскрыты в выступлении доцента кафедры уголовного права и криминологии Байкальского государственного университета экономики и права, кандидата юридических наук, доцента В.В. Агильдина.

В своем выступлении доцент В.В. Агильдин указал на особенности содержания ст. 204 УК РФ «Коммерческий подкуп», предусматривающей два состава преступления: во-первых, незаконную передачу лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой или иной организации, денег, ценных бумаг, иного имущества, оказание ему услуг имущественного характера, предоставление иных имущественных прав за совершение действий (бездействие) в интересах дающего в связи с занимаемым этим лицом служебным положе-

нием, в том числе если эти деяния совершены группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, либо за заведомо незаконные действия (бездействие); во-вторых, незаконное получение лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, денег, ценных бумаг, иного имущества, а равно незаконное пользование услугами имущественного характера или другими имущественными правами за совершение действий.

Объектом коммерческого подкупа являются интересы службы в коммерческой или иной организации. Определения понятия «интересы службы» в настоящее время нет. Постановление Пленума Верховного Суда РФ, не раскрывая понятия «интересы службы», указывает на деяния, которые хотя и были непосредственно связаны с осуществлением лицом своих прав и обязанностей, однако не вызывались служебной необходимостью и объективно противоречили как общим задачам и требованиям, предъявляемым к аппарату управления, так и тем целям и задачам, для достижения которых лицо было наделено соответствующими полномочиями.

Единство мнений относительно понятия «интересы службы» отсутствует в науке уголовного права. Одни ученые связывают данное понятие с надлежащим исполнением своих функций исключительно управленческими работниками, другие трактуют данное понятие значительно шире и включают в него добросовестную деятельность всех служащих конкретной негосударственной структуры. Следует согласиться с позицией Н.А. Лопашенко, которая определяет интересы службы как «нормальное, т.е. осуществляемое в соответствии с уставными задачами и целями деятельности функционирование коммерческих или иных организаций» и указывает, что субъектом таких преступлений выступает лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации.

Предметом коммерческого подкупа, как следует из положений ч. 1, 3 ст. 204 УК РФ, выступает незаконное вознаграждение, передаваемое лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой или иной организации, за совершение действий (бездействия) в интересах дающего в связи с занимаемым этим лицом служебным положением. К видам вознаграждений, перечисленных в диспозициях ч. 1, 3 ст. 204 УК РФ, относятся деньги, ценные

бумаги, иное имущество, оказание услуг имущественного характера, предоставление иных имущественных прав. Таким образом, за рамки предмета коммерческого подкупа выведено получение выгоды неимущественного характера. В этой части уголовное законодательство РФ противоречит Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию, которую Российская Федерация ратифицировала. В данной конвенции в качестве предмета подкупа предусмотрено любое неправомерное преимущество. Такой подход представляется более верным и позволяет привлекать к ответственности лиц, предоставляющих услуги нематериального характера, и лиц, потребляющих такие услуги.

Следующей проблемой данной нормы в настоящее время является вопрос о минимальном размере незаконного вознаграждения при коммерческом подкупе. Международные акты не предъявляют дополнительных требований к размеру незаконного вознаграждения. Большинство ученых считают, что уголовная ответственность должна наступать за коммерческий подкуп независимо от размера полученного или переданного вознаграждения. В то же время необходимо ограничивать подарок, предусмотренный в рамках ст. 575 ГК РФ, от коммерческого подкупа. Для этого необходимо установить умысел лица при вручении, если такой подарок обусловлен выполнением управляющим действия или отказом от совершения действия, даже если его стоимость не превышает 3 тыс. р., то деяние должно быть квалифицировано как коммерческий подкуп.

По своей конструкции данная норма относится к так называемым формальным составам преступлений. Преступление будет считаться оконченным с момента принятия виновным или передачи виновному хотя бы части вознаграждения. Наступление последствий от таких действий не является обязательным и для квалификации значения не имеет. В то же время в научной литературе по-разному трактуется момент окончания коммерческого подкупа. Некоторые ученые относят коммерческий подкуп к материальным составам, обязательным признаком объективной стороны которых является «существенный вред правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства». По мнению других, коммерческий подкуп относится к формальным составам. Согласно правовой

позиции Верховного Суда РФ, дача, как и получение незаконного вознаграждения при коммерческом подкупе, считаются оконченными с момента принятия получателем хотя бы части передаваемых ценностей. Иные признаки объективной стороны – время, место, способ, обстановка, орудия и средства совершения преступления – для данного состава являются факультативными, на квалификацию преступления не влияют.

С субъективной стороны коммерческий подкуп характеризуется виной в форме умысла, а именно в виде прямого умысла: подкупающий понимает, что вручаемые им ценности являются именно подкупом, осознает общественную опасность своих действий, связанных с передачей незаконного вознаграждения лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой или иной организации, и желает их совершить. Подкупаемый, в свою очередь, осознает, что передающий понимает, что он передает предмет подкупа, осознает общественную опасность незаконного получения предмета подкупа, а равно незаконного пользования услугами имущественного характера за совершение действий (бездействия) в интересах дающего в связи с занимаемым подкупаемым служебным положением, и желает получить предмет подкупа.

На основании изложенного можно сделать вывод, что отсутствие уголовной ответственности за передачу незаконного вознаграждения третьим лицам за совершение лицом, выполняющим управленческие функции, деяний, предусмотренных ч. 3, 4 ст. 204 УК РФ, не соответствует международному и отечественному законодательству о противодействии коррупции.

Основные направления совершенствования уголовного закона в сфере регулирования ответственности за вовлечение несовершеннолетних в преступную и иную антиобщественную деятельность были отражены в выступлении доцента кафе-

дры уголовного права и криминологии Байкальского государственного университета экономики и права, кандидата юридических наук, доцента С.А. Корягиной.

В своем выступлении доцент С.А. Корягина отметила, что для квалификации деяния по ст. 150 УК РФ в случае вовлечения несовершеннолетнего в совершение конкретного преступления не имеет значения, побуждают несовершеннолетнего совершить преступление самостоятельно либо совместно со взрослыми соучастниками. Виновный в обеих ситуациях несет ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления и за участие в конкретном преступлении в роли соисполнителя или иного соучастника. Если преступление совершено специальным субъектом – родителем, педагогом либо иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего, то это делает преступление более опасным (ч. 2 ст. 150, 151 УК РФ), так как виновный по отношению к вовлекаемому в совершение преступления несовершеннолетнему является лицом, на котором лежит установленная законодательством обязанность по воспитанию подростка.

В практической деятельности возникают проблемы, связанные с определением круга лиц, попадающих под понятие субъекта уголовной ответственности. Так, В.Б. Боровиков и С.И. Никулин рассматривают родителей, лишенных в установленном законом порядке родительских прав или ограниченных в них, субъектами данного состава преступления. С.И. Мурзаков придерживается противоположной позиции, указывая, что, в соответствии с положениями ст. 71, 74 Семейного кодекса РФ, родители, лишенные родительских прав, теряют все права, основанные на факте родства с ребенком, в отношении которого они были лишены родительских прав. Таким образом, лишение родительских прав или ограничение в них снимает с родителей обязанность по воспитанию несовершеннолетнего, и их действия, связанные с вовлечением несовершеннолетнего в совершение преступлений или иных антиобщественных действий, следует квалифицировать по ч. 1 ст. 150, 151 УК РФ. Думается, что лишение или ограничение родительских прав не освобождает родителей от обязанностей по содержанию своего ребенка (ч. 2 ст. 71 и ч. 2 ст. 74 СК РФ) и не прерывает их родства. Следовательно, исключение уголовной ответственности таких лиц по ч. 2 ст. 150, 151 УК РФ не является оправданным.

Кроме этого, существует проблема вменения данного квалифицирующего признака за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступлений или антиобщественных действий в отношении отчима или мачехи, которые не оформили акт усыновления (удочерения). Многие авторы отчима и мачеху относят к группе «иных лиц». Однако это возможно только в случае, если отчим (мачеха) находится в зарегистрированном браке с родителем несовершеннолетнего. В противном случае отсутствует одно из обязательных условий – исполнение возложенной законом обязанности по воспитанию несовершеннолетнего, даже если отчим (мачеха) проживают в одной семье с несовершеннолетним. В подобных случаях их действия следует квалифицировать по ч. 1 ст. 150, 151 УК РФ.

Применительно к содержанию ч. 2 ст. 150, 151 УК РФ речь идет не о любом педагоге, а лишь о таком, на которого законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего. Термин «педагог» предполагает не наименование должности, а функциональные обязанности, включающие обучение. Педагоги – лица, занимающие соответствующую должность в образовательном или воспитательном учреждении (как государственном, так и негосударственном), на которых лежат обязанности по оказанию воспитательного воздействия на подростка, вовлекаемого в совершение преступления.

Третьим видом специального субъекта по ч. 2 ст. 150, 151 УК РФ является «иное лицо», на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего. К ним относятся, например, опекуны или попечители, приемные родители, представители воспитательного учреждения, в которое помещен несовершеннолетний органами опеки и попечительства. В правоприменительной практике возникают спорные вопросы относительно возможности отнесения к данной категории родственников различных уровней (братья, сестры, дед, бабушка) и фактических воспитателей. Однако в любом случае основанием для положительного решения этого вопроса должна быть ориентация на отмеченное в ч. 2 ст. 150, 151 УК РФ условие – исполнение возложенной законом обязанности по воспитанию несовершеннолетнего. При отсутствии такой обязанности ответственность субъектов данного преступления должна наступать по ч. 1 указанных статей. Перечисленные катего-

рии лиц имеют весомый авторитет для подростков, малолетние и несовершеннолетние зависимы от них и зачастую не в состоянии поступить вопреки воле этих лиц, поэтому указанным субъектам легче осуществить процесс вовлечения потерпевшего в совершение преступления.

В выступлении доцента кафедры уголовного права и криминологии Байкальского государственного университета экономики и права, кандидата юридических наук, доцента И.В. Лавыгиной основное внимание было уделено эффективности уголовно-правовых норм, регламентирующих ответственность за экологические преступления.

В своем выступлении доцент И.В. Лавыгина отметила, что в условиях глобализации проблема совершенствования уголовного закона в сфере защиты природы приобретает особую остроту. С трибун различного уровня заявляется об усилении внимания к вопросам охраны природной среды. Результатом явилась систематизация в УК РФ 1996 г. норм в рамках отдельной главы.

Однако на правоприменительном уровне существует ряд проблем, связанных с квалификацией противоправных посягательств, предусмотренных ст. 246–262 УК РФ. В частности, следует выделить проблемы установления признаков объективной стороны преступлений. Деяние трудно определяемо в связи с бланкетностью диспозиций, которые сущность не раскрывают, а путем скрытых ссылок направляют к нормам экологического права. Кроме того, зачастую деяние в УК РФ и в КоАП РФ описывается в сходных выражениях, что не дает возможности разграничить сферы ответственности по данному признаку. По конструкции объективной стороны составы указанных преступлений сконструированы как материальные. В этой связи возникает проблема установления последствий экологических преступлений. В настоящее время нет современных методик определения полного размера экологического вреда. Существующие способы оценки экономической состав-

ляющей последствий экологических преступлений на практике вызывают затруднения в силу дороговизны и сложности проведения экспертиз.

Особенности квалификации имеет субъект преступления. В УК РФ признаки специального субъекта в основном составе указаны только применительно к ст. 246 Кодекса – нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ. В п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» сказано, что в случаях совершения экологических преступлений лицами с использованием своего служебного положения (за исключением ч. 3 ст. 256, ч. 2 ст. 258 и п. «в» ч. 2 ст. 260 УК РФ) необходима квалификация по совокупности со ст. 201 или 285, 286 УК РФ.

В завершение было отмечено, что тенденции глобализации права актуальны для уголовно-правового регулирования экологических преступлений. Охрана природной среды не может быть внутренним делом отдельного государства. Природа представляет собой единый комплекс взаимосвязанных явлений. На сегодняшний день необходимы единые международные стандарты и комплексный подход к решению вопросов охраны природы.

В контексте проблемы криминологии закона доцентом кафедры уголовного права и криминологии Байкальского государственного университета экономики и права, кандидатом юридических наук, доцентом А.А. Христюк были рассмотрены актуальные вопросы реализации

уголовно-правовых норм, предусмотренных ст. 210 УК РФ.

В своем выступлении доцент А.А. Христюк отметила, что основной причиной правоприменительных ошибок является отсутствие детальной регламентации специфических признаков, характеризующих преступное сообщество (преступную организацию). Проблемы понятийного аппарата, посредством которого конструируется ч. 4 ст. 35 и ст. 210 УК РФ, на-

ходятся во внимании представителей научной общественности и правоприменителей. В редакции нового закона в ст. 35 УК РФ уточнена общая формулировка понятия «преступное сообщество (преступная организация)», а в ст. 210 УК РФ сформулировано новое понятие состава преступления, совершаемого преступным сообществом (преступной организацией), и установлена мера наказания, соответствующая степени общественной опасности этого преступного деяния. Однако, несмотря на это, существовавшие ранее разногласия в понимании сущности преступного сообщества (преступной организации) не были разрешены. Более того, возникли новые проблемы, осложнившие задачу правильной квалификации и назначения справедливого наказания виновным в совершении тяжких и особо тяжких преступлений в составе преступного сообщества (преступной организации). Создавшееся положение объясняется несоблюдением законодателем юридико-технических правил, игнорированием лексических приемов при использовании и создании отдельных уголовно-правовых норм.

Новеллой ст. 35 УК РФ в редакции ФЗ № 245 является то обстоятельство, что в ч. 4 этой статьи вышеуказанные преступные формирования могут быть признаны преступной организацией или преступным сообществом только в тех случаях, когда они созданы с целью совершения одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды. Однако практике давно известны случаи, когда деятельность преступного сообщества (преступной организации) является разноплановой и не ограничивается совершением тяжких и особо тяжких преступлений. Например, одним из наиболее распространенных видов преступной деятельности преступных формирований в современный период является вовлечение в занятие проституцией. В связи с этим думается, что позицию законодателя относительно определения преступного сообщества (преступной организации) через общественную опасность предполагаемых преступлений нельзя признать эффективной в плане борьбы с данной формой соучастия.

Отдельно хотелось бы остановиться на новом квалифицирующем признаке ст. 210 УК РФ – части 4, в которой говорится о совершении преступления лицом, занимающим

высшее положение в преступной иерархии. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 10 июня 2010 г. № 12 указывает, что, решая вопрос о субъекте преступления, судам надлежит устанавливать занимаемое этим лицом положение в преступной иерархии, в чем конкретно выразились действия такого лица по созданию преступного сообщества (преступной организации) или по руководству им (ею) либо по координации преступных действий, созданию устойчивых связей между различными самостоятельно действующими организованными группами либо по разделу сфер преступного влияния и преступных доходов, а также другие преступные действия, свидетельствующие о его авторитете и лидерстве в преступном сообществе (преступной организации). О лидерстве такого лица в преступной иерархии может говорить и наличие связей с экстремистскими и (или) террористическими организациями или наличие коррупционных связей и т.п.

Судебно-следственная практика свидетельствует, что иерархия в структуре преступного сообщества (преступной организации) понимается как психологическая структура объединения, в соответствии с которой его члены осознают конкретное лицо как лидера. В науке уголовного права существует мнение, что для создания единообразной правоприменительной практики потребуются своего рода легализация сведений о «преступной иерархии» и лицах, ее составляющих. Но при этом возникают вопросы: 1) каковы должны быть критерии влияния и высшего положения; 2) в какой именно преступной иерархии – местного, регионального, федерального или международного уровня.

О целесообразности использования данного термина в науке выдвигаются различные мнения. Указывается, что термин «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии» является скорее криминологическим, чем уголовно-правовым. Но если обозначенная указанным термином категория введена в уголовный закон, то необходимо установить ее юридическое значение, т.е. содержание как составной части квалифицирующего признака преступления, предусмотренного ст. 210 УК РФ. Анализируя указанное выше определение, хотелось бы акцентировать внимание на попытке использования понятия «лидер» при определении лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии.

При изучении вышеуказанной проблемы закономерно возникает вопрос: в преступной иерархии какого уровня (в масштабах города, субъекта или федерации) этот лидер должен занимать высшее положение? Наличия предложенного критерия – высшего положения лица в конкретном преступном сообществе (преступной организации) – еще недостаточно для квалификации его действий по ч. 4 ст. 210 УК РФ. Рассматриваемый специальный субъект должен также обладать высоким положением в преступной иерархии в целом и главенствующим – на определенной территории района, города, региона и т.п. Этот статус выражается в объеме имеющихся у лица полномочий и может подтверждаться результатами оперативно-розыскной деятельности. Резюмируя изложенное, необходимо заметить, что дефиниция преступной иерархии должна быть определена в постановлении Пленума Верховного Суда РФ, поскольку данный квалифицирующий признак, призванный бороться с высшими эшелонами преступности, в настоящее время недостаточно регламентирован для своего эффективного применения.

Актуальные проблемы повышения эффективности уголовного закона в сфере противодействия преступлениям против общественного порядка были раскрыты в выступлении доцента кафедры уголовного права и криминологии Байкальского государственного университета экономики и права, кандидата юридических наук, доцента Я.В. Гармышева.

Доцентом Я.В. Гармышевым было отмечено, что на сегодняшний день в правоприменительной деятельности отсутствует единство подходов к квалификации данного вида общественно опасных деяний. По своей юридической природе хулиганство определяется как «грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу». Исследователи обращают внимание на то, что уголовно-правовые нормы об ответственности за хулиганство характеризуются многочисленными противоречиями и сложностями.

Теорией уголовного права для следственной и судебной практики разработан значительный перечень оценочных понятий, однако отсутствует системный подход к решению данной проблемы.

Основной проблемой ответственности за хулиганство, обусловленной действующей редакцией ст. 213 УК РФ, является декриминализация распространенных и обладающих высокой общественной опасностью форм хулиганства. Это касается прежде всего тех форм хулиганства, не связанного с насилием или причинением ущерба собственности, которые раньше выражались в законодательных определениях «исключительный цинизм» и «особая дерзость». Формализм в истолковании составляющих хулиганства – основная причина большинства следственных и судебных ошибок. Исходный критерий в понимании хулиганства – это правильное осознание такой важнейшей социальной составляющей, как общественный порядок, который в процессе хулиганских действий непременно должен быть нарушен.

Одна из проблем в правоприменительной деятельности связана с установлением признаков, разграничивающих «грубое» и «негрубое» нарушение общественного порядка, «явное» и «неявное» неуважение к обществу, которые носят оценочный характер. В свете изменений, внесенных в УК РФ в 2003 г., в системе с преступлениями, предусмотренными ч. 2 ст. 115, 116, 167 УК РФ, хулиганство представляет собой не что иное, как публичное нарушение порядка в общественном месте, связанное с применением оружия. Проблема переквалификации изначально возбужденных уголовных дел по ч. 1 ст. 213 УК РФ «Хулиганство» на самостоятельные преступления с квалифицирующими признаками «из хулиганских побуждений» или на преступления против личности приобретает повсеместный характер. В результате исследования по юридическим конструкциям правовых норм уголовного закона можно сделать вывод, что в некоторых случаях доктринального толкования понятия «хулиганский мотив» и «хулиганские побуждения» упоминаются специалистами как тождественные.

В уголовно-правовом механизме ответственности за хулиганство следует отказаться от отождествления хулиганского мотива и мотива грубого нарушения общественного порядка, неуважения к обществу, противопо-

ставления обществу, буйства, бесчинства и т.п. (т.е. мотива хулиганства). По мнению В.В. Лунеева, приравнивать хулиганский мотив к неуважительному отношению к обществу – значит вступить в конфликт с потребностной природой мотива. Мотив грубого нарушения общественного порядка, явного неуважения к обществу – это частный случай хулиганского мотива, а хулиганство – частный случай преступления, совершаемого из хулиганских побуждений. Поэтому признаки мотива хулиганства, коими являются грубое нарушение общественного порядка, явное неуважение к обществу, нельзя рассматривать как общие признаки хулиганского мотива.

Принятый Федеральный закон от 24 июля 2007 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму» внес существенные изменения в п. «б» ч. 2 ст. 213 УК РФ. При этом введение альтернативного мотива «политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы» поставило перед наукой и практикой новые вопросы при квалификации такого преступления, как хулиганство. В целях комплексного системного подхода и установления внутренней согласованности законодательства об экстремистской деятельности и уголовного закона следовало бы исключить п. «б» ч. 2 ст. 213 УК – хулиганство, совершенное по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Вышеназванный мотив в контексте юридического содержания стоит отнести не к хулиганству, а к экстремизму. Хотя по внешним признакам анализируемые составы формально имеют сходство, тем не менее преступления экстремистской направленности являются более тяжкими преступлениями и совершаются, как правило, под воздействием идеологических, а не «истинных» хулиганских мотивов.

Неприемлема точка зрения ряда ученых, заключающаяся в том, что Верховный Суд РФ допускает возможность совершения хулиганства по мотиву личных неприязненных отношений, а следовательно, и с косвенным умыслом. Косвенный умысел, по мнению сто-

ронников данной позиции, присутствует тогда, когда, например, хулиган в общественном месте на почве личных неприязненных взаимоотношений избивает потерпевшего, безразлично относясь к нарушению общественного порядка. Данная точка зрения имела право на существование в связи с наличием обязательного признака – последствий (уничтожение или повреждение чужого имущества), которые на сегодняшний день указаны в качестве обязательных признаков при совершении умышленного уничтожения или повреждения чужого имущества. Признание хулиганства как преступления с формальным составом исключает косвенный умысел, поскольку невозможно, совершая определенные действия по своей воле, не желать совершения этих действий.

Выступления представителей кафедры уголовного права и криминологии Байкальского государственного университета эконо-

мики и права по проблемам эффективности уголовного законодательства РФ, обеспечивающего охрану социально значимых интересов, предопределили активное обсуждение представителями научной общественности, практическими работниками органов прокуратуры, следствия и суда иных проблем, возникающих на правоприменительном уровне в процессе реализации уголовно-правовых норм. Состоявшийся конструктивный обмен правовыми позициями относительно актуальных проблем уголовно-правового регулирования призван содействовать достижению общей цели – согласованной деятельности ученых и практических работников по устранению коллизионных пробелов и проблем юридической оценки противоправных посягательств на интересы личности, общества и государства и решению задачи по противодействию преступности в РФ.

**Главный (научный) редактор
«Криминологического журнала Байкальского
государственного университета экономики и права»,
заведующий кафедрой уголовного права и криминологии,
доктор юридических наук, профессор**

 В.А. Авдеев